

Ирина Гинзбург-Соболева

Интервью

Город Львов, 17-е июля 2002-го года. Берем интервью у Ирины Вениаминовны Гинзбург-Соболевой.

Скажите, пожалуйста, когда вы родились, где?

Я родилась в Москве 2-го ноября 1920-го года.

В какой семье вы родились? Кто были ваши родители?

Мои родители не были художниками, никак. Через несколько лет после того, как я родилась, отец с матерью развелись. Семья отца, он был купцом 1-й гильдии, ему разрешалось жить в Москве. Его дети получили прекрасное образование. Отец окончил коммерческий институт. Учился блестяще. Но наступила революция, деда уже не было, он умер сразу перед революцией. Отец оказался у разбитого корыта. Он только кончил коммерческий институт, еще в жизнь не вошел. И тут вот такой удар судьбы. А мать была из мещанской семьи, но надо сказать, что ее семья, особенно бабушка по материнской линии очень гордилась тем, что они из рода Антокольских. А у Антокольских, после того, как две семьи двоюродных братьев перемешались, были очень часто такие браки, между двоюродными сестрами и братьями, поэтому часть была очень талантливыми людьми, а часть была полудиотами.

А где жили Антокольские и семья вашей мамы?

Все они из Вильно, из Вильнюса. И фамилия Антокольские произошла во время Екатерины. Под Вильнюсом есть такое местечко Антокол. И когда спросили, какую фамилию они хотят, родители сказали Антокольские.

Что вы знаете о родственниках вашей мамы?

Я знаю, что таких, очень близких связей не было. Но родственников было много, и, в частности крупный советский поэт Павел Антокольский был ее двоюродным братом.

Она с ним общалась?

Нет.

А отец мамы из какой семьи?

А кто его знает? Я не знаю, это мещанская семья, в дальнейшем мы с какими-то родственниками познакомились в Риге, там один был крупный зубной врач, такие настырные и богатенькие. Но сам мой дед был бедный.

Он жил в центре города, или?..

Я не знаю, но я видала на фотографиях, что это были узенькие улочки типа гетто. И там обе семьи жили рядом в каких-то домишках. Это был центр города, но все-таки это было скорее еврейское гетто.

Отец мамы был религиозен?

На эту тему никто не говорил. Предполагаю, что до революции он исполнял все предписания нужные, но после революции я помню, что эту коробочку он прятал, единственно, что я видала. Ну а к концу жизни он говорил странные вещи. Он, например, сказал: «После смерти мое тело отдайте в анатомический театр, пусть оно послужит для пользы науки».

Кто же он был, мамин отец? Кем он работал?

Он был скорняк, он был ремесленник. Много читал газет. Я думаю, что до революции много книг тоже.

Говорили ли в доме на идиш?

Почти не говорили после революции. А до революции, я уверена, что говорили на идиш.

А как получилось, что мама попала в Москву?

Это (нрб) двоюродному брату по линии Антокольских, он был юристом, ему разрешалось проживать в Москве. И он имел право нанять подсобного рабочего, еврея. И он пригласил моего деда. Так дед с семьей из Вильно перебрался сначала в Подмоскowie, а потом и в Москву.

Сколько у мамы было братьев и сестер?

Братьев и сестер было очень много. И кто из них родные, кто двоюродные я не запомнила.

Но кого-то из них вы запомнили?

Ну, запомнила, там художник был.

Как его фамилия?

Антокольский, средний художник, он вместе с Грабарем учился и знал его хорошо. Две двоюродные сестры, мамыны, одна из них была военным врачом и всю войну была на фронте.

Как ее звали?

Одну я помню. Она была ужасна. В начале войны она была секретарем у кого-то, но не у Троцкого, у кого-то (нрб) правительств, и она 20 лет просидела. Это родная сестра Павла Антокольского.

Родные у мамы были братья и сестры?

Да. У мамы была сестра и младший брат, инженер-мостовик.

Как его звали?

Лев Григорьевич.

Он был старше мамы?

По-моему, нет. А это уже моя сестра...

Как ее звали?

Мария. Она была небольшое время актрисой в еврейском театре и в польском театре, потом она вышла замуж. Потом, когда она была уже весьма пожилого возраста, она поступила в библиотечный институт, кончила его и работала в Московской исторической библиотеке.

Это было до войны?

Мне кажется, до войны, да, конечно.

Она уже актрисой не работала?

Нет.

А потом, что с ней случилось, с этой Марией Григорьевной?

Тут надо сказать, что моя мама была (нрб). Она была красивая женщина. А я была, пока ее муж, предполагали, что будет миллионером, она за него вышла замуж. Но она его не очень любила.

Это Гинзбурга?

Гинзбурга. А я была дочерью от нелюбимого. Но тут надо рассказать историю, которая характеризует и то время, и мою маму. В последующем у нее было очень много поклонников. И, пожалуй, из всех ролей роль женщины-красотки прошла через ее жизнь.

Она была актрисой, мама?

Нет. По этим документам видно, что она была ценительницей истории литературного языка. Но этим она не занималась никогда. Но первый ее роман, пожалуй, об этом стоит рассказать... Когда их семья жила в Лосиноостровском, у них была большая квартира, и одну комнату они сдавали бедному студенту, будущему скульптору. Он влюбился в маму. И когда он ей сделал предложение, дед сказал: «Да ты что?! Выйдешь за этого оборванца?». Впоследствии оказалось, что это Шагал (?). И через 40 лет он встретил маму на улице Горького и повел в свою мастерскую (нрб). Как раз любовью мама обделена не была. Следующий мамин муж был совершенно другого плана. Если вы помните «Одесские рассказы» Бабеля, Япончик, который фигурирует у Бабеля, у него была банда. Из этой банды был второй муж моей мамы.

Как его звали, вы помните?

Абрам Исаакович Гутнер. Но к тому времени, когда они познакомились с мамой...

Это, примерно, какой год был?

Ну, наверно, 22-й, 23-й...

Вам было 2-3 года?

Да. Между прочим, надо сказать, что он очень был (нрб). Так получилось, что эти банды влились в Красную армию и будущий муж моей мамы к тому времени, как она с ним познакомилась, занимал должность заведующего всеми военными кабинетами Центрального дома Красной армии в Москве. Ну, он любил мою маму, бросил свою семью, они поженились и жили больше 20 лет вместе, причем, чего только не было! Сколько было приключений! Сначала он стал начальником Дома Красной армии в Алма-Ате, потом он стал директором совхоза... Они вместе исколесили всю Россию. Тогда это назывались кулаки. Они наносили страшные удары. Дом их сжигали, они удирали от басмачей, это была история очень интересная.

Мама вместе с ним уехала в Среднюю Азию?

И с сыном.

Родился у них сын?

Родился сын, Юлик, которого мама обожала, а я была несчастный, заброшенный ребенок. Настоящая мама у меня была бабушка, вот эта, Антокольская, и кроме того, меня очень любила тетя Мара.

А кто такая тетя Мара?

Это Мария Григорьевна, мамина сестра. И если бы не они, они обо мне заботились, а мама даже не знала, что я есть...

А где вы жили в Москве?

Тоже интереснейшая история. Несмотря на то, что папа и мама не были художниками, так получилось, что им дали квартиру в том знаменитом доме, где находились общежития ВХУТЕМАСа и где жили Родченко, Фальк... ну, в общем, конца и края нет, художники. И рядом было полукруглое здание, я уже не помню, одного из князей, у которого некогда собирались масоны, а потом оно стало зданием художественного института.

Это на Мясницкой?

На Мясницкой. Рядом, напротив, почтамт, рядом магазин (нрб) – это мои детские впечатления.

Значит, жили бабушка, дедушка, тетя Мара и вы вместе, в этой квартире?

Там было несколько комнат. Дедушка с бабушкой вместе, тетя Мара отдельно, а мама с мужем тоже отдельно.

А ваш отец ушел, вы с ним не виделись?

Нет, у них очень интересные отношения с отчимом были. Они поджентельменски относились друг к другу. Он приходил ко мне, с мамой он не разговаривал, они садились играть в шахматы. Моего отца, в то время, когда он был маминым мужем, весь подъезд называл джентльменом. Он, действительно, был такой, англоман. Звали его Бен, он был очень сдержанный, очень остроумный и очень (нрб).

Кем он работал?

Он уже никем не работал. Он окончил коммерческий институт, и все развалили. Именно в этом весь ужас. В частности, несмотря на то, что это записывается, я расскажу одну историю, которая предшествовала тому, что его выгнали из этого дома. Купили петуха. Петух жил в кладовке. Когда нужно было его убивать, отец гонялся за ним большое время с ножиком и не мог его убить. Это переполнило чашу терпения остальных родичей, и с ним расстались.

То есть его считали таким, неумехой?

Неумехой, недотепой. Во время войны он в первые же дни, хоть он был уже непризывного возраста, он пошел в ополчение, и их группу немцы, под Ржевом, кажется, окружили, это было поздней осенью, они в грязи

стали замерзать. У отца отмерзла часть носа. В таком виде их погрузили на машины. Так они попали в плен.

А до войны он создал какую-то семью?

Нет. Он жил один, а женился после того, как стариком вернулся из ГУЛАГа. Для того, чтобы дожить жизнь не одному, а с кем-то. Он мать любил и ненавидел.

Вот эти 20 лет, до войны, он нигде не работал, или где-то работал?

Он работал в (нрб)тресте. И после войны, и после ГУЛАГа он вернулся. Его сначала нигде не хотели принимать, потому что он был реабилитированный, уже не человек, так сказать. И только нашлась женщина, доктор наук Яшунская, которая взяла его на работу. Если бы вы видели, как его хвалят. Собственно, его работа состояла вот в чем. На разных языках из разных журналов он собирал все, что относилось к шинной промышленности и выпускал бюллетень.

Это теперь называется отдел научно-технической информации. Теперь во всех учреждениях есть такие отделы. А тогда он один был. Он знал языки?

Он знал языки.

А у вашего папы были братья, сестры?

Сестра была.

Как ее звали?

Берта Лазаревна. Воспитывалась она соответственно, как и должна была в богатом доме.

Она старше отца?

Младше. Потом она вышла замуж и не работала, но когда пришла необходимость работать, она очень быстро сама, дома выучила итальянский язык, она работала в политехническом институте в Москве. По пластмассам она считалась первой.

То есть, это была очень способная семья?

Да.

А к тем миллионерам, Гинзбургам, они имели какое-то отношение?

Да много было Гинзбургов, не знаю.

У нее была семья, у Берты?

Да. У нее был весьма неприятный муж.

Еврей?

Еврей, да. И очень талантливый сын. Он очень быстро стал доктором наук и так далее, и так далее. Но как-то у нас настоящего общения не было с ним. Когда я приезжала (нрб), он не писал, не старался контактировать, Валерий Исарович.

Где жил ваш отец? У него была отдельная квартира, или он жил с сестрой?

Была квартира, которую до революции они снимали. Там было семь шикарных комнат. Но постепенно, естественно, после революции она была заселена. Но одна комната у отца осталась, и комната тети осталась. После того, как он, считалось, пропал без вести, на самом деле был в плену, эту комнату заняли. Ему пришлось уже после ГУЛАГа 14 раз пересуживаться, у него денег на адвоката, естественно не было, вы представляете, после такой жизни какие деньги могли быть. И он сам все писал, и, в конце концов, он свою 15-ти метровую комнату отсудил.

Отец и вообще семья Гинзбургов, она была верующей, соблюдала ли обычаи?

Нет, старшее поколение – конечно. Дед был сугубо верующим, причем он даже реакционером был. Он, например, телефон не признавал, электрическое освещение... Вместе с тем, он отличался невероятной щепетильностью и честностью. За счет этого он из Рогачева дошел до Москвы и стал купцом первой гильдии.

Вы говорите, что вы жили. Семья – бабушки, дедушки, по материнской линии. Мы говорили, комнату занимали ваша семья, комнату занимала тетя и бабушка и дедушка. Вы находились в комнате с бабушкой и дедушкой?

Я точно не помню, но очень возможно. Во всяком случае, со стороны мамы не было...

Желания быть с вами? И мама ездила с отчимом во всякие командировки?

И они брали сына. Но надо сказать, что при всем при том отчим относился ко мне прекрасно. Между прочим, он тоже стариком пошел воевать. Воевал, был ранен, и у меня осталась его записка. Но это уже дело послевоенное, где он пишет: «Ирочка, я тебе оставляю немножко денег, у меня больше нет. Когда будут, я тебе дам еще». Он ко мне прекрасно... Если он что-то покупал Юрке, так что-то покупал и мне, не хуже.

Он был хорошим человеком?

Он был хорошим человеком. Несмотря на то, что был и грубый, и бандит, и малообразованный. И, может, в своих страстях, они с мамой развелись, потому что у него появилось много любовниц, и так далее. И, все таки, он был прекрасным человеком.

А мама продолжала свою светскую жизнь, да?

У мамы появился любовник новый. Он был всего на 25 лет ее моложе. И они прожили 7 лет. И они вместе уехали в эвакуацию.

А как этого звали?

Я помню Вася и какая-то украинская фамилия. Молодой прекрасный актер.

А мама работала где-то до войны во время своих этих походов?

Перед самой войной, вернее, она уже была объявлена, она поступила на какой-то завод, и вместе с Васей они уехали в эвакуацию, а меня оставили в Москве, и если бы меня тетя не увезла, она Марина, а я ее зову тетя Марочка, если бы, не дай Бог, немцы заняли Москву, это было бы ужасно. А брат в это время уже был в армии.

На сколько вас моложе брат?

На 5 лет.

Он 25-го года?

Да. Ну, может, будем продолжать в отношении моей судьбы?

Да.

Я, бабушка, тетя Марочка... Тетя Мара увидела то, что я рисую. Как рисую? Ну, как все дети. Я даже не знала, что такое акварель. Она меня взяла за руку и повела в детскую художественную школу, которая только открывалась. Я поступила в эту детскую школу. Поначалу мальчишки, которые с видом знатоков говорили, что карандаши бывают мягкие, твердые, мне это казалось пределом знания об искусстве. Но постепенно, как ни странно, я пошла такими шагами, что из этой детской школы меня первой перевели в художественное училище. Так началась моя учеба и моя профессиональная жизнь.

А в обыкновенную школу вы ходили?

Я ходила до 7-го класса. Я была очень скромная, сидела где-то на задних партах. Единственно меня выделяли литератор и историк. Но вообще, я очень была скромная. У нас была одна девица, такая заносчивая, такая отличница. Как-то она меня спросила: «А ты, Ира кем хочешь быть?». Я сказала: «Художником» – «Нет, художники такие не бывают».

Вы были пионеркой?

Я была пионеркой.

Вы помните, как вас принимали в пионеры?

Нет, этого ничего я не помню, помню, что я была нормальной пионеркой, не проявляла себя ни так, ни так.

Как бабушка, дедушка относились к советской власти? У вас были какие-то разговоры?

Во всяком случае, каких-то отрицательных разговоров я не помню. Не было.

Бабушка и дедушка говорили при вас на каком...

По-русски.

А на идиш никто не говорил?

Уже не говорили.

Но они могли говорить?

Могли.

Вообще то, что вы еврейка вы чувствовали, знали?

Нет. Я почувствовала это при странных обстоятельствах. Когда в училище я познакомилась с Андреем, моим будущим мужем, мы стали ходить вместе, а был он меня на курс старше, его товарищи говорят: «Ира порядочная девушка, и мы к ней ничего не имеем, но галка и ворона никогда не составляют одной пары». Андрюша мне это передал, но он на это не обратил никакого внимания.

То есть они считали, что за еврейку ему не стоит...

Да.

Вы с ним познакомились в училище?

Да, и получилась такая ситуация. Его родные были далеко, на Волге, часть в Горьком, а часть еще дальше, и когда его призвали в армию, провожать его было некому. Я его проводила в армию.

Когда его призвали?

За 2 года до начала войны. Он отслужил свои 2 года, потом началась война, которая продолжалась 5 лет, и все 7 лет он был в армии, и мы переписывались. И вот тогда-то, поначалу, может, у нас настоящей любви и не было, он меня провожал, ну, может, пару раз мы поцеловались, и все. Но просто мы так друг друга проверили за годы войны, что когда он после войны явился, после тяжелейшего ранения, между прочим там и сердце у него было испорчено... Вот еще маленькая деталь. Он страшно хотел быть художником. После того, как он окончил училище, ему предлагали уйти в офицерское там что-то такое... Но он не согласился. И всю войну он был рядовым. Он был связистом, ползал по полю, бывало, что сидел на высоком дереве и срисовывал позиции противника.

А где вы были, когда началась война?

Я была в Москве. И мы все онемели. Началась другая жизнь. И потом в Москве я была довольно долго, были страшные минуты.

16-го октября, когда немцы были совсем близко?

Вот, и он уезжал, тетя меня взяла с собой. Меня, потом бабушку, Альку, который ее сын, которому еще не было призывного возраста.

Алька, это чей сын?

Это тети моей, мой двоюродный брат. И мы уехали с московской кинофабрикой.

А тетя работала на кино фабрике?

Нет, у нее муж был режиссером в Киеве. Он из Киева уехал.

Как фамилия мужа?

Гритер. Вообще Григорий Череповер, но он сократился – Гритер. И там очень интересно, во время этой посадки нас провожал Роом, ехала жена Роома и другие актеры. Подали товарный вагон. В него какие-то ящики с книгами стали грузить. Роом подошел и говорит: «Это чье?». Кребс, никогда не забуду, сценарист: «Это мои книги, необыкновенно драгоценное мое собрание». Роом руководил посадкой, хватил палкой и говорит: «Немедленно выкиньте!». Рабочие выкинули, и нас туда посадили. И так мы ехали (нрб) на одной полке с Кузьминой...

Была приятная женщина?

Замкнутая очень, она с нами не общалась.

И куда же вы поехали?

В Ашхабад.

И там вы продолжали учебу или что вы делали?

Продолжала учебу. (нрб). Я жила сначала в Марочкиной семье, а потом приехала мама со своим молодым человеком.

А сын мамин тоже был с вами?

(нрб). Я поступила преподавать в художественное училище имени Шота Руставели, в Ашхабаде. У меня шло очень хорошо, и кроме того, поскольку я была московский ребенок, я вспомнила про «Окна РОСТА» и я с маминой помощью, но мама была технический исполнитель, организовала там «Окна ТАСС Туркменистана». Сама я рисовала 40 окон, потом художники... В общем, это целое было мероприятие, я была художественным руководителем. Между прочим, в стенгазете появился такой шарж: «Ее почти не зная, отметим в этот раз: такая молодая, а кормит «Окна ТАСС».

Скажите, вы жили с бабушкой, с дедушкой, с Марой вместе?

Нет, дедушка к тому времени уже год, как умер.

Там же, в Ашхабаде?

В Москве еще. А бабушка, вроде бы она жила с тетей Марой, но у тети Мары в это время сын болел тифом, и она все свои силы обращала к нему. Кончилось тем, что бедная бабушка, в общем, я за ней ухаживала одна. Она умерла от голода, от пеллагры.

Так было голодно там?

Да, о чем говорить?

Бабушка, все-таки она из Вильно, где соблюдались какие-то еврейские традиции, где готовились какие-то еврейские блюда. Бабушка что-то соблюдала такое?

Она не соблюдала, но она делала чудный польский борщ с картошкой. Очень соблюдать мы не могли, потому что мы очень бедно жили в то время. Дедушка в Моссельпроме продавал ириски на лотке, так что...

Это была его работа?

Да.

Папа помогал вам как-то материально?

Как он мог? Он сам не работал. Никак не мог помогать.

А то, что папа выходец из богатой семьи, он не был ущемлен?

Конечно, он был ущемлен. Он настолько человек сдержанный, что он не стучал кулаком по столу, но, безусловно, они были разорены, конечно они были (нрб).

Вы говорите, что ваш отчим был евреем биндюжного вида, я так понимаю?

Безусловно.

Расскажите о нем что-нибудь. В нем сохранился еврейский дух?

Да. Во-первых, он по дому, и не по дому, он ходил как запорожец.

То есть?

В галифе, с голым пузом, толстый... Конечно, он был типичным одесским евреем, хотя, вроде бы, брат его был сапожником, а отец был наборщиком в Петрограде.

Его не ущемляли за то, что он принимал участие в бандах?

Не ущемляли, но постепенно, если другие его товарищи пошли в Комакадемию, повышались по чинам, он, как Чапаев, говорил: «Мне это не нужно, я и так могу». И он стал снижаться, снижаться... Я вам рассказывала, сначала директором совхоза, потом бухгалтером, в общем, он пошел вниз.

А этот Вася, который был с мамой?

Ну что, они прожили, наверно, лет 5 вместе. Потом он нашел себе другую. Мама уже, ей было за 50.

И она уже где-то успокоилась?

Вернее, она всю свою любовь, в дальнейшем она попала же в землетрясение, а в Ашхабаде она активно работала. Во-первых, она была главной городского радио в Ашхабаде.

Диктором, или?..

Нет, дикторы были под ней. Главной. Потом она стала писать в газету Аэрофлота, и там много у нее было статей. Написала она также о художнике Нурали Гашинине(?), местном.

Она прижилась как бы в Ашхабаде?

Да. Она не хотела уезжать, только вот это дикое землетрясение, когда она попала, к счастью, под кровать, и когда соседи разобрали стенку, ее вытянули и их всех стащили на центральную площадь, как они были, а спали обнаженные. У нее было сломано 6 ребер, нога. Но когда их, пострадавших, повезли в Мары, где не было землетрясения, около поезда стояла гигантская толпа плачущих, все ее жалели. Она попала в больницу. В один прекрасный день ей заявили: «К вам гости». Она подумала: «Какие гости, откуда?». Она была одна, потому что там, у Юлика, который к тому времени вышел из армии, это ж был 47-48 год, у него была своя семья...

Он женился уже?

Женился, главу семьи убило во время... Так что она была одна. Она очень удивилась. И вдруг, она видит – открывается дверь и входит делегация бухарских евреев с громадными блюдами, на блюдах разные вкусные вещи, вот так.

Они узнали, что лежит в больнице еврейка?

Да, они спросили: «Есть ли евреи?». И на маму указали. Но этим их внимание кончилось. Когда мама смогла ходить, ей выдали тапочки, полотенце на голову, ситцевое платье. И так она приехала в Москву.

И на этом ее ашхабадская биография закончилась, и дальнейшую жизнь она жила уже вместе с вами?

Так получилось, что к этому времени мы уже переехали и жили на площади Пушкина в том доме, где наверху было театральное общество, которое недавно сгорело...

А почему вы туда переехали?

Потому что захотели какие-то из высшего начальства занять нашу квартиру. И нам предложили две маленькие квартирki, тетке и нам.

«Вам» – это бабушке, вам...

Нет, бабушки уже не было в живых, это было уже после смерти ее. И получилось так, что моя тетя, женщина предусмотрительная, она высылала плату за квартиру, а квитанции берегла.

Во время войны?

Во время войны. А мама говорила: «Ничего, государство о нас позаботится». Все, квартира была занята. В Ашхабаде я около трех лет поработала успешно, в училище, и я узнала, что все художественные учебные заведения переехали в Самарканд. А так как у меня накопилось очень много «Окон ТАСС», я подумала: «Я поеду». И там мой товарищ учился в художественном институте. Покажу ему, может, он что-то скажет. Как я доехала туда, один Бог знает. Ну, вы знаете, что творилось в поездах, мы не то, что не спали, стиснутые стояли все. К счастью, нашелся добрый человек. А ходьбы до Ширдора, где был расположен художественный институт, от вокзала километров 5, не меньше. Ночью нас привезли, он говорит: «Знаете что, я железнодорожник, пойдемте, переночуете у меня». Он видел, что я с рулоном, я ему сказала, зачем я еду, и он это воспринял как-то близко к сердцу. И действительно, меня там положили, я у них поспала, а потом утром отшагала и пришла. Я показала другу своему. Мы обрадовались так... Он говорит: «Сейчас директор, профессор Гарощенко, покажи ему». Я подумала: «Скажет свое слово – нравится, не нравится...». Я пошла, разложила, он посмотрел и говорит: «Мы вас

принимаем на 3-й курс графического отделения». Для меня это было счастьем. И после этого я счастливая отправилась в Ашхабад, вернулась, и уже вместе с институтом реэвакуировалась в Москву.

Тяжело было?

Да. В то время, что мы были в Самарканде, картошки вообще не было. Мы питались незрелыми помидорами. Картошка была такая маленькая, что мы ее не чистили, как горошек. Другое дело, что тогда это как-то по-другому смотрелось.

В Ашхабаде в начале войны какие-то проявления антисемитизма были?

Одно было проявление, но не со стороны местного населения, которое отстранялось от нас, но, вместе с тем, нас никак не обижало. Однажды с мамой мы шли по базару, и она меня спрашивает: «Как поступают в Союз художников?». Между прочим, меня там приняли, но не в сам Союз, а в кандидаты Союза, Туркменского. Я говорю: «Нужно сделать несколько выставок, потом тебя примут в кандидаты, потом еще поработаешь...». Сзади нас идет пьяный военный и говорит: «Вот, жида договариваются, как в партию влезть». Действительно было, а больше не было.

Местное население относилось хорошо?

Они держались один за другого, особняком. И надо сказать, что мальчишки туркменские за мной ухаживали, и даже один был влюблен. И он одевал кожух, там же жара, и ходил около моих окон. И однажды он устроил мальчишник, где играют на музыкальных инструментах, и пригласил меня, хотя вы знаете, как там к женщинам относились. И все это состоялось. Я сидела, сидела, у меня заболели ноги, я подумала: «Уйду по-английски». И я тихонько встала и ушла. Оказалось, что это была такая обида!

Нельзя было так?

Нельзя, но откуда я знала?

Со своим молодым человеком вы переписывались?

Все время переписывалась.

30-е годы, Москва. Вы, по сути дела, дитя Мясницкой?

Да. Слушайте. Я сейчас вам расскажу. В общем, папа, наверно по старой памяти, дружил с семьей Ростайкиса. Ростайкисы жили в шикарной квартире, приходил к ним Маяковский, Отто Юльевич Шмидт к ним приходил, даже был любовником кого-то из них, папа туда ходил. Его принимали, хотя он уже был никто. Они устраивали какие-то вечера на всю ночь. И у них была девочка Ляля. И как-то папа говорит: «Пойдем, я тебя хочу познакомить со своими знакомыми». На меня одели юбочку синенькую.

Вы еще были маленькая?

Маленькая, конечно. Это был 29-й, может, год. Надели матросскую кофточку и папа меня за ручку повел. Мы пришли туда. Я смотрю – такой блеск, такая красота. Подходит одна из хозяек и говорит: «Ира, ты, наверно, плохо себя чувствуешь, ты плохо одета, мы тебе дадим на сегодня платье нашей Ляли». Я оцепенела, я думала, я в самом лучшем своем. Вообще, это мне на всю жизнь запомнилось. Но они на меня надели атласное платье с розами. Вот так я столкнулась первый раз, есть бедные, есть богатые.

Вы жили не очень состоятельно?

Мы бедно жили. Недаром Осеев, который жил на 9-м этаже, он писал о нашем дворе: «Двор напоминает аквариум, из которого выпустили воду, и там внизу копошатся какие-то детки». Мы все там даже босиком ходили.

Это то, что называется «двор-колодец»?

Да. 9-ти этажные дома.

Вы помните друзей по двору?

Нет, друзей у меня не было там.

А в школе? Ну, в школе была подружка, но я очень уж была скромна.

А пионерские песни вас учили петь?

Больше того. Рядом была прелестная церковка, которую в дальнейшем, когда строили метро, разломали, 17-го века. И вот, кажется на Пасху, нас заставляли стоять на пути к церкви и кричать: «Бога нет! Бога нет!».

Это так боролись с религией?

Да.

Это очень грустно, что дети так кричали.

А что дети понимали, и что они могли? Учитель приказал...

А учителей вы своих помните?

Некоторых помню. Как ни странно, я очень запомнила одного еврея. Он был прислан в наш класс, чтобы провести экспериментальную работу. Он был очень нехорош собой, неправильный прикус был. Семен Абрамович Гуревич, как сейчас его помню. Но он меня выделял.

Вы спортсменка?

Нет. Я писала хорошо. А почему вы подумали, что я спортсменка?

Вы говорите, учитель физкультуры...

Нет, литературы!

Вам нравились стихи Маяковского, Осеева, вот этих поэтов?

Конечно, нравились. Я вам прочту свой детский стих, будете смеяться: «Пышно пламя над горнами. Силен взмах. Трах! Во весь дух. Ух! Тут повсюду и всегда слышна музыка труда».

Это вам было сколько, когда вы написали?

Да я не знаю. И все такого плана. Или: «Спи, Ильич, в своей могиле. Мы тебя... чего-то... любили и строительство развили в нашей красной стороне...». И так далее.

То есть вы были пламенной пионеркой, патриоткой?..

Да.

А в комсомол вы тоже вступили?

Понимаете, официально я не вступала в комсомол. И так же официально я вышла из комсомольского возраста. Когда была преподавателем. Так что это меня миновало.

Все-таки 30-е годы, Москва. То там во дворе, то там, кого-то забирают. Было такое?

У нас? Я не помню. У нас этого не было.

А вокруг вас никого не арестовывали?

Нет, но вот тут у меня лежат записки тети, где она, в нашей же квартире рассказывала, видно, меня в это время не было...

Вы не обращали внимания?

Нет, то, что она пишет, не обратить внимания невозможно. Наверно, это было уже на площади Пушкина, где она была отдельно, не знаю. Но во всяком случае, там были какие-то бандиты, потом ее в органы... Но это было позже, гораздо позже, это было не в 30-е годы.

А 37-й год вы помните?

Я помню, как действительно, тетя Марочка, к ним приходил Бабель, потому что они хотели с мужем Марочкиным сделать картину «Блуждающие звезды». И после этого Марочку в органы вызвали и говорят: «Вот, бывает Бабель, вы же советский патриот, вы должны слушать, что они говорят». Тетя была в шоке. Их было двое, которые это ей говорили. Один вышел, а другой тихонько к ней подошел и говорит: «Вы можете отказаться». И когда вернулся первый: «Она говорит: «Нет, нет! Да вы что?! Да я не могу! И целая с ней истерика. Уходи». *Вы тоже видели Бабеля?*

Нет, не видела.

А тетин муж, он тоже ставил какие-то картины?

Да, «Хрустальный дворец»... Он был талантливый человек, он дружил с Юрием Олешей, с Бабелем, с другими. Но он спился окончательно. И тетя с ним развелась.

Еврей?

Еврей.

Ну, это поколение... И Олеша спился. Они не могли иначе. И тетя осталась одна?

И тетя была одна.

А сын ее?

Ну, она воспитывала сына, она, так сказать, отдала ему душу. В дальнейшем, когда его взяли в армию, она без конца... Она купила ему фотоаппарат. Она бегала... разные продукты, он кормил всех кругом... Ну, она проявляла чудеса героизма. Вырос эгоист, и в конце жизни ей пришлось покончить самоубийством.

В Москве?

В Москве.

Из-за сына?

Из-за сына.

Он к ней плохо относился?

Он к ней ужасно относился, а она отдала ему всю душу.

Она жила вместе с ним?

Она жила вместе с ним. Он был «засрак» – заслуженный работник культуры. Он в «Комсомольской правде» был фотографом лет 20-25. Но человеческие качества... Вот сейчас он где-то в Израиле, даже не знаю я, даже не хочу знать, потому что я-то знала. Что тетя кончила самоубийством.

Сколько ей было лет?

Ну, ей было за 70.

А где она... в той же квартире жила в Москве?

Нет, им дали роскошную квартиру где-то на подступах к Москве, не вполне в Москве. Я специально приезжала, чтобы повидать тетю Марочку, чтобы как-то скрасить ей жизнь, и мне даже казалось, что я этого достигла, но последний раз я приехала, она так была рада. Все считали, что я размазня, вялая, что из меня ничего не получится. Она так была довольна. Что я нормальный человек вполне. Когда она меня провожала, две слезы у нее скатилось. Через какое-то время он мне прислал телеграмму: «Мама заснула как птичка». После этого я позвонила и говорю: «Алик, я хочу с тобой поговорить по-серьезному» – «А мне надоели эти интеллигентские разговоры». И все.

Она отравилась?

Она снотворное приняла. Она нам писала, и я все старалась сбить с этого.

В каком году это было, сколько ей лет?..

Ну, ей за 70.

И очень была одинока?

Безумно одинока. Причем даже так. Он несколько раз женился, Алик. И вот, последняя жена как-то она пришла с работы, а Мара в передней лежит без чувств. Она переступила через нее и пошла к себе в комнату.

В послевоенное время вы вернулись в Москву?

Вернулась в Москву, квартиры нет, но поскольку я студентка института...

На каком курсе вы были?

3-й курс своим ходом... Я была в общежитии. Наше общежитие было за Рижским вокзалом. Это были деревянные постройки, ужасные. Зимой на нижнем этаже между досок черная вода ходила и налетали какие-то москиты. Андрюша... Тогда мы уже с ним были вместе, предположим, пропустим разные трогательные ситуации...

Нет, почему? Расскажите, пожалуйста.

Ну, ладно. Сначала я жила у Марочки. Сын ее в это время был военным. И в один прекрасный день вдруг открывается дверь и входит нечто длинное, худое, в оборванной шинели. Я посмотрела и говорю: «Андрей!» и кинулась к нему, и мы поцеловались. А вечером этого дня он говорит: «Ира, давай жить вместе». И это весь наш роман. Но это была такая счастливая жизнь! Он был такой самоотверженный человек. Я благодарю Бога, что он мне послал такого друга.

И вы прожили вместе сколько?

Ну, до конца его жизни. Там у меня написано. Ну, мы года 4 не расписывались, это все ерунда, просто жили, жили...

В этом самом общежитии?

Ну, в общежитии он в мужском, я в женском.

И ходили друг к другу в гости?

Ходили, но он такой застенчивый. Он заходил на минутку, мы с ним обедали где-то в столовой, и вообще, нам хватало только на лук зеленый.

Судьба вашего отца, расскажите, что с ним произошло, если можно, поподробней? Он попал в окружение?

Он вместе со своими товарищами, тоже стариками, у которых, у большинства не было и винтовок попали, когда немцы рвались к Москве, где-то, кажется, под Ржевом осенью их свалили в грузовики. И потом его без конца пересылали из лагеря в лагерь. Ему несколько помогало, что он прекрасно владел немецким.

Если отец был еврей, воспитывался в семье, где соблюдались еврейские традиции...

Да, он был обрезан. Его никто не выдал. На всем протяжении такая счастливая случайность, что его никто не выдал.

Хотя видели и знали окружающие?

Видно, знали, они же и в бане были и все. Видно, знали.

На этом грузовике отвезли их куда?

Я помню только о последнем лагере. Это был подземный лагерь, где Гитлер изготавливал свое секретное оружие. У меня там написано, как он называется. Ну, они работали как чернорабочие. И папа, очень сдержанный человек, говорил: «Единственно, чего я боялся, это когда мы выходили наверх и приезжали поезда с женщинами, чтобы не увидеть тебя».

Где вы, ничего он не знал. Он в 41-м году, наверно, пропал?

В 41-м.

Тяжело ему было?

Ну, о чем говорить? Причем какое-то время его взяли переводчиком, потому что он прекрасно знал... И он все старался нашим пленным, если они делали какую-то оплошность, старался им помочь. И в конце концов на этом его засекли. Его отправили еще дальше. Он много прошел лагерей.

Где он был, в каких лагерях? Он был в Германии, в этом лагере подземном, там, где делали оружие?

Да. Этот лагерь назывался Дорак. И, по-видимому, это было где-то в Баварии, я не могу сказать точно. Важно, к лагерю подходили англичане.

Это уже в 45-м году?

В 45-м году. И немцы решили уничтожить всех тех, кто работал на этом заводе, но англичане остановили вагоны, в которых была мука, пересыпанная с осколками стекла. Значит. Они решили вот этим методом уничтожить. Папа говорит, что на своей ладони держал такую муку, перемешанную со стеклом.

Их освободили англичане?

Да. Какое то время там передача была, передали нашим. Долгое время тянулось...

Вы ничего не знали об этом?

Нет. Когда он явился, конечно, это была потрясающая неожиданность. Он был в пасторской шляпе, одна нога в ботинке, другая без ботинка, весь завшивевший. Прежде всего, сняли и сожгли его одежду, по знакомым стали собирать, что ему одеть. А к тому же его комнату забрали.

Он с вами поселился?

Нет.

А где?

Я же жила в общежитии. Как он мог со мной?

А где он поселился?

Он сначала с теткой, со своей сестрой. А когда он все-таки выиграл эту комнату, он перешел туда и расписался с женщиной, которую знал и в молодости, любовницей она его не была.

А кто была эта женщина?

Еврейка, мещаночка, (нрб).

Папа явился в 45-м к вам, или это было позже?

Позже, а может, и в 45-м. Но потом он в ГУЛАГе был 6 лет.

Когда его арестовали?

Он был около года, потом его арестовали.

За что?

За то, что он немецкий резидент.

А то, что он еврей?

Это не учли в данном случае.

Это никого не интересовало?

Никого. И дали ему 20 лет.

И куда его сослали?

Я знаю только, что в ГУЛАГ, на лесоповал. К счастью, он был настолько дряхлый, старый, что его посадили в избушку, и он писал там что-то такое, выработку... А то бы он не выжил бы ни в коем случае. Теперь вот что интересно. Как ни странно, номер, который был у него выгравирован на руке, был тот же, что и у Ивана Денисовича, Солженицына, был на руке. Отец написал Солженицыну, и Солженицын у него был. Он сказал, что ему очень понравилось письмо отца, что там нет хныканья, как обыкновенно. И в его «ГУЛАГе» я нашла целый абзац, где он отца приводит в пример. Как некоторые люди. Которым так тяжело пришлось, у них нет ни нытья, ни...

Вы переписывались с отцом?

Тут получилось, что после того, как он пришел, у нас с ним получилась первая и очень серьезная ссора. И я долго не знала, что он в ГУЛАГе. А ссора вот почему. У меня был туберкулез, я была беременна, жить мне было негде, потому что из общежития меня выставили – я окончила институт. Мы с Андреем решили, что мы найдем себе что-то, но чтобы он нас пока в эту несчастную комнату пустил. Он не захотел, он захотел устраивать свою жизнь. У меня была истерика ужасная. И после этого я с ним порвала, и я очень долго не знала, что он в ГУЛАГе.

А эта женщина вам не сообщила, когда его арестовали?

Нет.

Вы с ней не поддерживали отношений?

Ну, как? Потом, когда он вернулся, ну, никакие отношения были.

Значит так, отца арестовали в 47-м году, где-то так?

Ну, наверно, в 47-м году.

А когда родилась ваша дочь?

Я уже тогда была беременна, в 48-м.

В Москве?

Нет. Она родилась в (нрб), потому что в это время Андрюша делал дипломную работу, а я уже окончила институт. Меня из общежития... А мама, после того, как Москва ее не приняла, какие-то рижские родственники говорят: «Приезжайте к нам». И она поехала в Ригу. Получилось так, что она была предприимчивой, а тогда землетрясений не было, она написала в Рижский высший орган, что она после землетрясения, деться ей некуда, и просила, чтобы ей и ее домочадцам дали квартиру. И там дали квартиру. В центре Риги. Правда, эта квартира отличалась тем, что все окна выходили на торцы домов, там было совершенно темно, и жили две латышки. Латышки с нами не разговаривали. Я все не могла понять, почему? Мы им ничего не сделали плохого. А потом я догадалась. Видно. Нам дали квартиру женщины, которую куда-то выслали. Мне даже в голову это не приходило. И они смотрели на нас как на врагов.

После войны как-то подчеркивалось ваше еврейство? Как-то чувствовали себя еврейкой?

Нет. До тех пор, пока я не приехала, мы с мужем получили оба назначение в институт...

Во Львов, да?

Во Львов. И когда мы приехали, я думаю, что это было не столько еврейское, с одной стороны москали приехали нас учить, а с другой стороны, об этом хорошо написал Гриша Островский...

В Риге было много евреев, когда вы приехали?

Мы общались только с этой родней, а родня такая была нэповская, зажиточная, богатенькая.

Они из эвакуации вернулись?

Нет, они в эвакуации нигде не были.

А как же они во время войны?..

Не знаю. Но потом они уехали все в Израиль.

Они были людьми обеспеченными?

Обеспеченными.

Вы их помните?

Помню. Мещане, обеспеченные мещане, самодовольные... А мы там по-настоящему нищенствовали. Мы купили манеж, натянули одеяло, и она там лежала, в комнате полная темнота. Такой несчастный ребенок, она родилась ужасной, 2360, тощая. Когда ее выдали из больницы, по па у нее была кровавым месивом, у нее и сейчас остались рубцы. И все были уверены, что этот ужас не выживет. И еще, до 11 месяцев я ее кормила, а потом я поехала, я не могла терять это направление (нрб).

А мама работала?

Она почти не работала, она попыталась в торговле устроиться, в общем, денег у нас не было, мы были нищими, мы с Андреем стали посылать им половину зарплаты. И она всю свою любовь, всю свою нежность отдала Аньке. И она стала ее на всякие кружки водить физкультурные, и кончилась эта тема тем, что Анька в дальнейшем поступила в физкультурный институт на художественную гимнастику, с отличием его окончила и всю жизнь была преподавателем физкультуры (нрб). И только сейчас, когда она ушла на пенсию, раньше времени, то она переняла то, чему ее научила ее дочка. Они стали делать вот такие штучки.

То есть из стекла такие маленькие комочки?

Причем, она режет стекло, она его запекает, она должна знать, что получится.

Она не пыталась в художественных салонах продавать это?

Короче говоря, она возит это в Киев, а в Киеве это расхватывают.

Скажите, пожалуйста, вы учились в каком институте?

Значит, в Ленинграде Академия художественная, а в Москве художественный институт имени Волкова. Вот в нем я училась.

И на каком отделении?

На отделении графики.

А ваш муж?

А муж учился в другом институте, прикладного изобразительного искусства.

Кем он был? По какой специальности?

Поначалу он был керамистом, и он сделал блестящий диплом. Но когда он переехал сюда, он сначала занимался керамикой, а потом художественное стекло, и до конца жизни был завкафедрой, а потом (нрб), много раз переизбирался.

Он был профессором?

Нет, доцентом.

Вы получили назначение во Львов. Это был для вас новый неизвестный город?

Абсолютно. Кроме слова «Львов», нам понравилось.

А вам давали выбор?

Нет. Причем в это время еще кое-кого из института, в основном скульптуру посылали...

Целую группу, да?

Ну, послали не сразу, сначала скульпторы приехали, через какое-то время нас уже.

Как вы учились в институте?

Ну, это было невероятно. Как я вам говорила, у нас было 18 девочек. Причем это было общежитие, так называемое РАБИС, работников искусств. Там были циркачки, танцовщицы, певицы, художницы, все в одной комнате. И вы представляете, стояло два стола, за которыми девочки красили губы, тарелки грязные стояли, а я в этих условиях делала дипломную работу, резала на линолеуме.

А кто у вас был руководитель?

Руководитель у меня был прекрасный, вообще, учителя были прекрасные, профессор (нрб), он друг Фаворского (?), Родионов, литограф великолепный и еще, хорошие, сильнеешие. Но интересно, что с профессором Павлиновым (?), он был властный человек, у него была своя система, а я вот, хотела делать по-другому. Тему я взяла, которая мне была известна и которая меня волновала, как все, что я делаю. Я женщина советская. В общем, я работала, он не просил меня, чтобы я ему показывала, и я ему не показывала. В конце концов, когда была защита диплома, он написал разгромную совершенно рекомендацию, вплоть до того, что я ленилась, делала то, что хотела. (нрб). Самое интересное, что профессор Сидоров, вы, может быть, слышали эту фамилию, он большой искусствовед он был от всех моих работ в восторге. Я единственная получила отличную оценку, и меня без кандидатского стажа приняли в Союз художников, тут же, в Москве, под аплодисменты.

А тем не менее, он написал разгромную рецензию?

Так он не знал, кто что будет говорить. Работ моих он не видел. Это были вполне и вот в таких условиях сделанные работы.

А кто с вами учился? Балерины, кто-то из них сделал карьеру?

Нет, мы с ними не контактировали. К циркачкам лазили в окна мальчишки.

Циркачи?

Циркачи. Певицы пели, балерины тут же, опираясь о кровати, задирали ноги, пол трясся. Как я сделала этот диплом, Бог один знает, поэтому мне так хотелось об этом рассказать.

Бытовые условия, ну, вы говорили, а чем вы питались?

Мы ходили, там была столовая такая, нищая. А Андрюша, кроме того, что он делал диплом, он целыми днями бегал (нрб), и в конце дня он имел возможность... Потом, нам мыло давали, мы мыло меняли на

хлеб. В общем, был голод. Кончилось тем, что у меня голодная дизентерия была. И тогда Андриюша продавал свою пайку хлеба, чтобы купить мне бутылочку кефира. В общем, это такое невероятное счастье. А когда я первый раз показала его отцу, это было еще до того, как он попал в ГУЛАГ, но отцу, который привык к великосветским, лощеным молодым людям, он посмотрел, он очень сдержанный, он посмотрел. Когда он вышел, я спросила: «Папа, ну как?» – «Ну, это временное». Это «временное» замужество продолжалось до смерти Андриюши.

А мама как отнеслась?

Вся семья относилась к Андриюше с величайшим почтением.

А его семья к вам?

А его семья? Поначалу это мама была его, она приехала из Сибири откуда-то и она на меня посмотрела. Когда увидела, что Андриюше хорошо со мной, мы как один человек, вот, она стала относиться очень хорошо. А Андриюшин двоюродный брат, он сейчас живет в Одессе, у нас с ним не прерываются отношения...

То, что вы еврейка, для них не имело значения?

Для двоюродного брата, определенно, нет.

Он интеллигентный человек?

Да, конечно, интеллигентный. А там – я не знаю. Во всяком случае, это никак не сказалось.

Вам его семья как-то помогала?

Никто нам не помогал.

Оставили Анечку в Риге, а вы переехали во Львов?

Да.

Какое Львов на вас произвел впечатление?

Я потряслась его архитектурой.

Даже после Риги?

Да, конечно. Рига мне и сейчас из всех прибалтийских городов меньше всех... Ну, потому, что нам там было плохо, очень плохо. А Львов я сразу полюбила, сразу.

Вам дали квартиру какую-то во Львове?

Поначалу мы жили в комнате, поэтому мы не могли взять Анечку. 6 на 6 метров, вы знаете, наверно, этот дом, это на Армянской улице, там было студенческое общежитие, но нам выделили эту крошечную комнату. Там даже не было никакого отопления, не было газа. Для того, чтобы не замерзнуть зимой, мы сняли plombу и пускали газ в комнату, уже не говоря о комслугах, которые были на первом этаже, а мы были на третьем. И это было очень долго.

Вас послали в качестве преподавателей? Что это был за институт?

Институт прикладного и декоративного искусства.

Он новый был для Львова? Или когда-то во Львове уже был?

Мне кажется, что в довоенное время он начался, но во всяком случае, новым он не был. А сейчас это даже академия.

Что вы преподавали?

Акварельную живопись и рисунок.

А муж?

Сначала он преподавал керамику, а потом, когда не было человека на стекло, его послали. И вот, всю свою жизнь он был заведующим кафедрой стекла (нрб), его переизбирали и очень уважали, но, однако, профессором не сделали.

А вы долго работали там, на кафедре?

Я не на этой кафедре.

Ну, не на этой, на другой? В этом институте?

Наверно, года два, может, три. Конечно, когда началась антиеврейская...и участники Германа Кранкауза, и других, всех, как сионистов отмени... А ко мне не знают как подступиться. Муж у меня

русский, в общем, я ничем не грешила, никаких анекдотов не рассказывала. И в конце концов они нашли один способ. Ко мне пришел завкафедрой и говорит: «Ирина Вениаминовна, вы прекрасный преподаватель, мы вас очень уважаем, но, знаете, у нас до конца года немножко не хватает часов на всех. Вы разрешите, муж у вас работает, зарабатывает достаточно, на эти полгода переведем вас на полставки». И я пошла, мне и в голову не приходило, что это с чем-то будет связано. Оказалось, у них была такая задумка. Предстоял конкурс. А полставочники имеют меньше шансов, чем ставочники. Они хотели меня так... А я даже не (нрб), я такая наивная была. А потом, второе, я уже была потрясена, возьмите группу еще одну. И они мне дали группу. Которую вели бездарнейшие преподаватели, причем работа, которую делали ребята, были последние часы работы, так что сделать там ничего нельзя было. И тут же прислали комиссию и это прошло как мой просчет, хотя вела их не я, и пришла чуть ли не на первый урок. Ну, когда мы с Андрюшей это все-таки сообразили, мы с ним не говорили, он молчун, он про себя все это переживал все, а я очень долго не догадывалась. И вот, мы лежим, мы отдельно спали, он на своей раскладушке и я на своей кровати и ворочаемся. И один, и другой не спит. Ну, наступило время подавать документы на конкурс. Я говорю: «Андрюша, я не подаю». Он говорит: «Я тоже». И мы с ним дружно ушли, хотя к нему совершенно не было никаких претензий.

И куда же вы перешли?

Мы с ним вместе ушли и пошли работать в училище. И семь лет там проработали.

А потом он вернулся?

А потом к нему пришли, поклонились, сказали: «Приходите. Вы нам нужны». И он пошел обратно в институт, а я пошла совсем по другой части. Товарные знаки и так далее. (нрб).

А книжной графикой вы тоже занимались?

Никогда.

Потому что я видела (нрб).

Просто на моей выставке была Храмова, с которой я и знакома-то не была, и она увидела, как мои иллюстрации по духу подходят к ее книге. И она говорит: «Можно, мы используем?» – «Да, пожалуйста».

Когда вы забрали к себе Анечку?

Анечку мы забрали, когда ей было лет 11, когда у нас уже...

Раннее детство она с бабушкой провела?

С бабушкой. И вообще. Она бабушкина дочка, потому что мы были заняты работой. Бабушка отдала ей все, что могла. Но когда бабушка свалилась и лежала, (нрб).

То есть Анечка помогала вам (нрб)?

Нет. (нрб). Мы никогда об этом не говорили.

Сколько лет прожила ваша мама?

103 года, нет, 102. Я всегда считала, что 103, а сейчас мне кажется, что 102.

Она была до последних дней с памятью хорошей, она вам что-то рассказывала?

Нет, ничего не рассказывала. Только (нрб), из ее комнаты крик: «Ира! Ира!», днем, ночью. Я бегу туда: «Мама, что?» - «Мне скучно, посиди со мной». Но в такие минуты я не знала, было ли это инстинктивно, или действительно что-то в ней проснулось. Она лежит, и видно, уже, бедняжка, скоро умрет. Она нащупала мою руку, поцеловала ее и покушала.

А ваш брат, ее сын?

А ее сын – должник перед ней. Он очень мало ею интересовался...

А где он работал? Где он жил, в Москве?

Он в (нрб) с семьей, они все уехали. Причем у них очень разветвленная семья. Он с женой, у него там свой коттедж...

Где они, в Израиле или в Америке?

В Америке. Теперь, одна дочь с мужем и двумя детьми в другом месте, еще одна дочь с мужем и с двумя девочками еще где-то... Ну, и вообще, они там процветают, и раз в год он меня поздравляет с днем рождения.

А жена у него еврейка?

Да.

То есть он пошел по еврейской линии?

Я не скажу, чтобы он сильно «объевреивался», но, во всяком случае, конечно, он пошел... Жена у него хорошая женщина, она его сильно моложе, она много лет в Риге преподавала в институте химию, кандидат наук, устроена...

А он кем по специальности стал?

Не знаю. То он писал какие-то статьи, то он был каким-то, вроде, инженером, спортсменом был, подводным плаванием до сих пор увлекается, несмотря на то что он инвалид, у него торчит, не вынимали, какой-то осколок.

Он на фронте был?

На фронте. (нрб).

А когда вы повернулись к еврейству? Когда вы решили, что это ваша тема? Когда это с вами произошло?

Это произошло со мной, по чести говоря, и я это почувствовала, когда меня изгнали из института. Но сказать, что я целиком в это погрузилась, я не могу. Была другая работа, и все. И только когда меня приняли в это общество, когда я окунулась в еврейскую жизнь, я почувствовала новое дыхание. Ну, как пришла? Не знаю как. Не знаю. И меня захватило очень. Все-таки, наверно, это на уровне голоса крови. И поэтому. Когда меня спрашивают: «Что значит, что вы себя чувствуете еврейкой?», я говорю, что я чувствую, что это помогает.

А ваша дочь, как-то вы пытались ей рассказать, что она все-таки, по материнской линии, это полностью еврейка? Она это знает?

Так получилось, что она все время была под влиянием здоровья Леночкиной бабушки. А она...

Это ее свекровь?

Да. Ну, она развелась с мужем, но в той семье она себя очень хорошо чувствует. Там все готовят... Ну, там совершенно другая обстановка. Я, конечно, трудный человек. И только после того, как она стала художницей, у нас с ней возникло очень много общего. Она мне звонит, интересуется.

А что та за семья, это интеллигенция?

Нет. Там, в общем-то, они хорошие люди, не считая, конечно, того человека, который был Аниным мужем, вместе кончали физкультурный, он был подающий надежду... Сейчас он настолько опустился, он не работает, мать его слезами плачет. Когда-то она его опекала. Там отец – водитель такси. Но во время войны он честно воевал, у него много наград.

Они русские, украинцы?

Она белоруска, а отец украинец. Но украинец не западный. Аньку они обожают, считают ее частью своей семьи.

То есть еврейство ее мамы ее совсем не интересует?

Нет. А с Леночкой вообще комичный случай, о котором я должна рассказать. Та бабушка говорит: «Вы отпустите Леночку в Белоруссию, я ее познакомлю с родителями?». Я говорю: «Конечно». Леночке было тогда, наверно, лет 11. Приезжает она оттуда, заходит ко мне, испуганные глаза такие, говорит: «Бабушка, ты не волнуйся». Я говорю: «Деточка, что случилось? Что с тобой?». Она говорит: «Ну, ты только не волнуйся. Ты знаешь, меня обманули». Я говорю: «Как тебя

обманули?» – «Сказали, что идут выводить глистов, а сами окрестили». Я говорю: «Ну, будь спокойна, я совершенно не волнуюсь. Ну, окрестили».

Получается, что в вашей семье (нрб)?

Безусловно. Ну, в какой-то мере Леночка тоже, все-таки она там, в Израиле, она...

А как получилось, что она попала в Израиль?

Через своего мужа русского, которого, я вам говорила, выбрали на конкурсе компьютерщиков. Из 100 человек выбрали 4-х, и вот. Его. И они поехали туда. И, наверно, они сейчас подчиняются, и празднуют субботу... Но чтобы у нее было такое тяготение к еврейству, как у меня – нет.

Расскажите о ваших работах. О работах, связанных с еврейской темой. Собственно, у вас почти все работы такие. Что вы сейчас рисуете?

Вы же видите. Я думала это назвать, мне кажется, что это удачно было бы, «Народ книги». Потому что как понимать это в плане религиозном, или в плане того, что это народ, который с самого начала учился, и был всегда народом книги.

И кого вы изображаете тут, на своих рисунках? Давайте, посмотрим. Кто у вас тут возле книги?

Ну, «люди книги». Тогда, может быть, не книга, а это было устное, но все-таки он человек книги. Ну, эти, хасиды разного толка, люди книги. Кроме того, я это понимаю не просто узко религиозно, и люди на улице – люди книги. И такой человек как Михоэлс...

Вы видели Михоэлса?

Видела я его, конечно. И видела «Короля Лира», и слышала от его студентов, как он работал над «Королем Лиром».

А как это было, расскажите, где вы его видели?

Ну, это было в Москве. Сначала мы стали с Андрюшей, хотя мы и не знали языка, ходить на все постановки еврейского театра. Потому что студентам разрешалось быть. И особенно нас потряс «Король Лир», где, когда выходил Михоэлс, все остальное отступало. У него была такая пластика жестов! Настолько убедительная, ну... что слов нет. И очень много других постановок там мы смотрели вместе.

А вы помните, когда Михоэлса не стало?

Конечно. Причем та комната в общежитии, где мы жили, была рядом с комнатой, где жили девочки из еврейского театра. Стон стоял. И как все это было ужасно. Слов нет. И вообще. Вся страна была в ужасе.

Вы как-то понимали, что произошло?

Да. Мы не знали деталей, но то, что он был уничтожен, это мы все понимали.

Вы помните смерть Сталина?

Да, помню.

Как вы отнеслись к этому?

Послушайте, я – как все. Я рыдала и думала: «А что же будет дальше?». Всего того, что я узнала о Сталине, я, конечно, не знала, всего этого ужаса. Не скажу. Чтобы я его любила, или что, я просто думала о дальнейшем, что же будет дальше?

А когда вернулся ваш отец. В каком году?

Он, в хрущевские времена, но год я вам не скажу. Он был очень благодарен Хрущеву, и так как-то получилось, что он и Хрущев голосовали в одном избирательном округе. И когда он увидел Хрущева, он снял шляпу, с ним поздоровался, и Хрущев тоже.

Он считал Хрущева своим освободителем?

Да.

Как он вообще относился к советской власти?

Вы знаете, настолько был сдержанный человек, что я ничего не могу сказать. Ну, просто объективно посмотреть, человек, который мог жить

полной жизнью, жизнь его была скомкана, изуродована. Как он мог? Он не относился к тем. Кто жалуется, он был очень сдержан. У него был библейский характер в этом смысле.

Он приезжал к вам во Львов?

Да. Он был очень счастлив, удивлялся, что у меня всегда чисто...

Он вообще жил на что?

На пенсию.

И с этой женщиной, да? Вернулся к ней после?..

Да, он вернулся, но она ему ничем не помогала в то время. Сестра ему без конца посылала посылки. Когда я узнала, что с ним случилось, несмотря на то, что у нас отношения были плохие, тоже послала посылку, теплые вещи. И таким образом наш конфликт как-то ликвидировался.

Скажите, мама, когда уже была немолодой (нрб), была не очень старая, она рассказывала о своей жизни?..

Нет. А вот тетя, она написала даже, только не столько о жизни в Вильно, сколько о жизни в Лосиноостровском, о том, как они в школу ходили...

Они ходили все в гимназию?

В гимназию.

А Лосиноостровский – это что такое?

Лосиноостровский – это пригород Москвы, можно сказать, самая ближняя остановка. Они снимали домик, эта молодежь.

И была хорошая квартира, большая?

Большая – да, но что хорошая, я сомневаюсь.

И их мама, ваша бабушка готовила, соблюдая какие-то правила?..

Нет. О правилах, вряд ли она соблюдала, потому что слишком были бедны, абы что-то было. Но она все время, то она чистит селедку, то она стирает, без конца. Причем, в принципе, когда она была молодая, она любила музыку и все, но никаких не было условий.

Она закончила... Видимо, она была образованной женщиной, бабушка ваша?

Ну, повивальная бабка. Тогда уважали...

А при вас она когда-то принимала роды?..

Нет. Это было, наверно, для того, чтобы быть в Москве как-то, не знаю.

Она не работала, она...

Нет, она была по дому, делала все по дому.

И вы не знаете, как велся этот дом, у бабушки вашей? Как он велся, то есть, соблюдались ли субботы?..

Ничего не соблюдалось. А какое там могло соблюдаться, когда все время была нехватка, надо было всех накормить... Ну, что соблюдать? Ничего не соблюдалось. Не забывайте, что я помню, ну 23-й год, 24-й. До этого я вообще ничего не помню. Готовила она хорошо бабушка.

А что готовила? Вот на праздники, чем она вас кормила?

Ну, какой праздник?

1-е Мая вы праздновали?

Так специально, не праздновали. Ну, я помню, что форшмак делала вкусный, всегда. Селедочку, борщ, я помню.

Рыбу фаршировала?

Пару раз фаршировала. Она все умела, но просто жизнь была такая, что...

(нрб) не рассказывала, были какие родственники (нрб)?

Вот и я даже не могу сказать, потому что, я вам говорила, было очень много родни, наверно, человек 14. И кто из них были двоюродные братья, кто были родные ее, я даже сейчас сказать не могу. Нет, поддерживала, к дяде Яше мы ездили, потом Лев, он художник. И много-много других каких-то имен. Фамилий, я это все смутно...

Но она гордилась, что она?..

Поэтому злые дети, чтобы ее подразнить, говорили: «Ты же Антоклецкая».

Это считалось выше, чем семья дедушки?

Конечно.